

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО "САНГАРИЕВА И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба №1839/04)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

29 мая 2008 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ

1 декабря 2008 года

Данное судебное решение может подлежать редакторскому пересмотру.

В деле "Сангариева и другие против России»

Европейский суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой в следующем составе:

Кристос Розакис, *Председатель Палаты Суда,*
Анатолий Ковлер,
Элизабет Штейнер,
Дин Шпильманн,
Сверре Эрик Йебенс,
Джорджио Малинверни,
Джордж Николаи, *судьи,*

и Сорен Нильсен, *секретарь Секции Суда,*
заседая 6 мая 2008 г. за закрытыми дверями,
вынес в тот же день следующее постановление.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено на основании жалобы (N 1839/04) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») девятью гражданами Российской Федерации («заявители») 5 января 2004 г.

2. Заявители, которым по решению Суда компенсированы расходы по оказанию юридической помощи, были представлены в Суде адвокатами "Правовой инициативы по России" - неправительственной организации с головным офисом в Нидерландах и представительством в России. Правительство Российской Федерации («Правительство») представлял г-н П. Лаптев, Представитель Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

3. 1 сентября 2005 г. Председатель Палаты принял решение о применении Правила 41 Регламента Суда и о рассмотрении жалобы в приоритетном порядке.

4. 7 июня 2006 г. Суд постановил уведомить Правительство о поданной жалобе. Согласно положениям Статьи 29 § 3 Конвенции, Суд решил рассмотреть жалобу по существу одновременно с решением вопроса о ее приемлемости.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Факты по делу, сообщенные Суду сторонами, можно кратко изложить следующим образом.

6. Заявителями являются следующие лица:

- 1) Г-жа Асет Аликовна Сангариева 1974 года рождения;
- 2) Г-н Абубакар Хамидович (другое написание отчества - Хамитович) Гайтаев 1971 года рождения;
- 3) Г-н Адам Хамидович (другое написание отчества - Хамитович) Гайтаев 1977 года рождения;
- 4) Г-н Исраил Хамитович Гайтаев 1964 года рождения;
- 5) Г-жа Хаза Гайтаева 1939 года рождения;
- 6) Г-н Мансур Мусаевич Гайтаев 1995 года рождения;
- 7) Г-н Муслим Мусаевич Гайтаев 1997 года рождения;
- 8) Г-жа Макка Мусаевна Гайтаева 2001 года рождения;
- 9) Г-жа Роза Мусаевна Сангариева 2003 года рождения.

7. Первая заявительница была замужем за Мусой Гайтаевым 1972 года рождения. Пятая заявительница – мать Мусы Гайтаева, а также второго, третьего и четвертого заявителей. Первая заявительница и Муса Гайтаев – родители шестого, седьмого, восьмой и девятой заявителей.

8. В 1999-2000 гг. Муса Гайтаев работал водителем машины «скорой помощи» в государственной больнице и в офисе Красного Креста в с. Алхан-Кала Чеченской Республики. В 2000 г. он был арестован вместе со всем медицинским персоналом Красного Креста в с. Алхан-Кала. С апреля по июнь 2000 г. он содержался в Чернокозово и других следственных изоляторах. Затем он был освобожден по закону об амнистии, но паспорт ему не вернули.

9. В рассматриваемый период Муса Гайтаев жил со своей семьей в доме, являвшемся частью семейного домовладения по адресу ул. Свободы, 11, село Мартан-Чу Урус-Мартановского района Чеченской Республики. Он работал плотником на стройке, которой руководил четвертый заявитель. К 2003 году местный отдел внутренних дел должен был выдать ему новый паспорт.

А. Исчезновение Мусы Гайтаева

1. Изложение обстоятельств дела заявителями

10. В ночь с 23 на 24 января 2003 г. заявители и Муса Гайтаев спали у себя дома. Около 2 часов ночи примерно двадцать человек припарковали две автомашины «Урал» метрах в 150 от дома заявителей и пешком подошли к дому. Все они были в камуфляжной форме, а на некоторых были надеты маски; у пришедших было автоматическое оружие. Заявители сделали вывод, что эти люди были военнослужащими российской армии. Военнослужащие постучали в дверь и потребовали, чтобы их пустили в дом для проведения проверки. Как только заявители открыли дверь, пришедшие ворвались в комнаты, не представившись и не давая объяснений, и вывели всех взрослых мужчин семьи Гайтаевых во двор. Второму заявителю приказали встать к стене и упереться в нее руками, стоя при этом босыми ногами на снегу, а третьему заявителю велели лечь на землю. У них проверили документы, некоторые документы изъяли, в том числе паспорта второго и третьего заявителей и документы на их автомобиль. В то же время военные задержали Мусу Гайтаева и, оттолкнув родственников, увели его. Он был босой, на нем была кожаная куртка и спортивные брюки. Когда военные уходили, третий заявитель попросил их вернуть ему документы, но его за это ударили прикладом автомата.

11. В ту же ночь другой родственник заявителей - Магомед Гайтаев, двоюродный брат Мусы Гайтаева, также был задержан. Во время рассматриваемых событий он работал милиционером в Гудермесе и имел служебный пистолет и автомат. Хотя он предъявил военным разрешения на оружие, они изъяли и пистолет, и автомат.

12. Четвертый заявитель, спавший в отдельной постройке с другой стороны двора, выбежал на шум посмотреть, что происходит, как раз в тот момент, когда военные сажали Мусу Гайтаева в один из автомобилей. Он также увидел, как в другой автомобиль сажали их двоюродного брата Магомеда Гайтаева. Четвертый заявитель пробежал некоторое расстояние вслед за машинами и увидел, что они направились в сторону Урус-Мартана, причем их не остановили, когда они проезжали военный блок-пост. Блок-пост был расположен на расстоянии около 500 м. от дома заявителей, и четвертый заявитель мог видеть свет фонариков в руках у людей, дежуривших на блокпосте.

13. Магомеда Гайтаева освободили в тот же день. О том, что произошло с ним и Мусой Гайтаевым после ареста, он рассказал заявителям следующее. Обоим мужчинам на головы надели мешки, чтобы они не могли видеть, и погрузили их в разные автомашины. Когда машина остановилась, Магомеда Гайтаева вытащили наружу, и мешок упал у него с головы. В тот момент он узнал здание Урус-Мартановской военной комендатуры. Его (но не Мусу Гайтаева) посадили обратно в грузовик «Урал» и отвезли в село Гехи Урус-Мартановского района. По пути ему насильно влили в рот крепкий

алкоголь и оставили на обочине проселочной дороги. Он вернулся домой утром 24 января 2003 г., находясь под воздействием алкоголя. На его лице были синяки от ударов прикладом автомата. После событий той ночи Магомед Гайтаев из соображений безопасности переехал из дома в свой служебный кабинет в Гудермесе и остался там жить. В один из дней (точная дата неизвестна) сотрудники Урус-Мартановского районного отдела внутренних дел (РОВД) вернули его служебный пистолет.

14. Муса Гайтаев с момента задержания в ночь с 23 на 24 января 2003 г. пропал без вести.

2. Изложение обстоятельств дела Правительством.

15. Согласно сообщению Правительства, Генеральной прокуратурой было установлено, что около 2 часов ночи 24 января 2003 г. неизвестные лица похитили Мусу Гайтаева из с. Мартан-Чу Урус-Мартановского района Чеченской Республики, и с тех пор его местонахождение неизвестно.

В. Поиски Мусы Гайтаева и расследование

1. Изложение обстоятельств дела заявителями

16. Утром 24 января 2003 г. четвертый заявитель обратился в местное отделение милиции, в местную администрацию, в прокуратуру и в военную комендатуру, чтобы узнать о судьбе брата. Однако нигде ему не подтвердили, что Муса Гайтаев был задержан сотрудниками данной структуры или находится там под стражей, и не дали никакой информации о его местонахождении и дальнейшей судьбе.

17. Заявители также направляли многочисленные письма в различные государственные органы, и копии этих писем вместе с официальными ответами были предоставлены в распоряжение Суда. Рассказы заявителей о поисках Мусы Гайтаева можно в обобщенном виде изложить следующим образом.

18. 24 января 2003 г. четвертый заявитель лично подал письменные обращения в прокуратуру Урус-Мартановского района (районную прокуратуру) и в РОВД. Он жаловался на похищение Мусы Гайтаева и просил установить его местонахождение и личность задержавших его людей.

19. 28 января 2003 г. пятая заявительница подала аналогичную жалобу в районную прокуратуру.

20. 29 января 2003 г. первая заявительница также обратилась в районную прокуратуру с жалобой об инциденте.

21. В один из дней (дата не указана) пятая заявительница направила письмо Специальному представителю Президента Российской Федерации по обеспечению прав и свобод в Чеченской Республике с жалобой на насильственное исчезновение сына. 12 февраля 2003 г. ее письмо было передано в районную прокуратуру для принятия мер.

22. 14 февраля 2003 г. из районной прокуратуры пятой заявительнице пришло уведомление о возбуждении уголовного дела по факту похищения Мусы Гайтаева.

23. 16 февраля 2003 г. первая заявительница был признана потерпевшей.

24. 1 апреля 2003 г. первая заявительница обратилась в районную прокуратуру, в Урус-Мартановскую военную комендатуру и к начальнику РОВД. В своем заявлении она повторила жалобу о насильственном исчезновении мужа и попросила провести эффективное расследование этого инцидента.

25. 16 апреля 2003 г. районная прокуратура уведомила первую заявительницу о том, что следствие по делу о похищении Мусы Гайтаева было приостановлено 14 апреля 2003 г.

26. 4 июня 2003 г. организация «Правовая инициатива по России» от имени заявителей обратилась в районную прокуратуру с просьбой сообщить о ходе расследования. Ответа получено не было.

27. 13 июля 2003 г. из отдела УФСБ РФ по ЧР («ФСБ») первую заявительницу уведомили о том, что ФСБ не располагает сведениями о местонахождении ее мужа. В письме говорилось, что ордер на его арест не выдавался и что он не подозревается в каких-либо противозаконных действиях. Ее письмо было передано в военную прокуратуру Объединенной группировки войск на Северном Кавказе.

28. 28 июля 2003 г. первая заявительница обратилась в прокуратуру ЧР с жалобой на непроведение районной прокуратурой эффективного расследования уголовного дела. Она попросила возобновить производство по уголовному делу и принять меры к установлению местонахождения Мусы Гайтаева и розыску его похитителей. Она также попросила, чтобы в случае необходимости дело было передано для дальнейшего расследования в военную прокуратуру.

29. 2 сентября 2003 г. организация «Правовая инициатива по России» от имени заявителей направила письмо в районную прокуратуру с просьбой сообщить о ходе производства по уголовному делу и ответить на ряд конкретных вопросов о следственных действиях, проведенных в рамках уголовного расследования по факту похищения. В частности, были заданы вопросы о том, допрошены ли очевидцы похищения Мусы Гайтаева - например, родственники, соседи или односельчане; допрошен ли кто-либо из сотрудников Урус-Мартановской военной комендатуры и допрошены ли военнослужащие, дежурившие на блокпосте между Мартан-Чу и Урус-Мартаном в ночь с 23 по 24 января 2003 года. Ответа на это письмо не последовало.

30. 5 сентября 2003 г. военной прокуратурой в/ч 20102 первая заявительница была проинформирована о том, что по факту ее обращения были направлены запросы силовым структурам Урус-Мартановского района о спецоперациях, проводившихся 23-24 января 2003 г. Ей сообщалось, что в ходе спецопераций Муса Гайтаев задержан не был и что причастность военнослужащих федеральных сил к похищению ее мужа не подтвердилась. Ее обращение было перенаправлено в Урус-Мартановскую военную комендатуру.

31. 22 июня 2005 г. организация «Правовая инициатива по России» от имени первой заявительницы обратилась в районную прокуратуру с просьбой сообщить о ходе расследования. 8 июля 2005 г. из районной прокуратуры пришел ответ о том, что предпринимаются следственные действия с целью раскрытия преступления.

2. Информация, представленная Правительством

32. 13 февраля 2003 года районной прокуратурой было возбуждено уголовное дело №34018 по факту похищения Мусы Гайтаева по признакам преступления, предусмотренного частью второй статьи 126 УК РФ (похищение человека при отягчающих обстоятельствах).

33. 16 февраля 2003 г. первая заявительница была признана потерпевшей. Она была неоднократно допрошена и показала, что в ночь с 23 на 24 января 2003 г. неизвестные лица в масках, вооруженные автоматами, ворвались в дом, где проживала ее семья, похитили Мусу Гайтаева и забрали документы его брата. Она также видела, как уводили Магомеда Гайтаева.

34. 18 февраля 2003 г. были допрошены также второй, третий и пятая заявители, которые дали показания, аналогичные показаниям первой заявительницы.

35. 18 февраля 2003 г. районной прокуратурой был допрошен Магомед Гайтаев, который показал, что около 2 часов ночи 24 января 2003 г. в его дом ворвались вооруженные люди в масках и камуфляжной форме без опознавательных знаков и приказали ему лечь на пол. Они забрали его служебный пистолет и автомат, приказали ему одеться, надели на голову колпак и посадили в машину. После десяти минут езды его положили лицом на землю, связали ему руки за спиной куском провода и ушли. Личность этих людей ему неизвестна.

36. Четвертый заявитель и отец Мусы Гайтаева также были допрошены и дали показания, аналогичные изложенным выше.

37. Для проверки версии о причастности спецслужб к похищению районной прокуратурой неоднократно направлялись запросы в различные государственные органы и предпринимались другие следственные действия для раскрытия преступления.

38. Начальник отдела ФСБ по Урус-Мартановскому району 18 февраля 2004 г. сообщил в районную прокуратуру о том, что его подчиненные не задерживали Мусу Гайтаева и что в отношении последнего не возбуждалось уголовное дело.

39. Из Урус-Мартановской военной комендатуры, от начальников РОВД и из различных органов прокуратуры в ответ на запросы районной прокуратуры пришли сообщения о том, что никакой спецоперации в отношении Мусы Гайтаева не проводилось и что он не был задержан сотрудниками этих органов и не находился в ИВС.

40. В ходе следствия было установлено, что правоохранительными органами Чеченской Республики не возбуждалось уголовное дело в отношении Мусы Гайтаева. Личности его похитителей не установлены, а версия о причастности спецслужб не нашла подтверждения.

41. 14 апреля 2003 г. районной прокуратурой было принято постановление о приостановлении предварительного следствия по делу в связи с неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых.

42. 25 апреля 2005 г. районная прокуратура отменила постановление от 14 апреля 2003 г. и возобновила производство по уголовному делу. Первую заявительницу уведомили об этом 26 апреля 2005 г.

43. Следствие по уголовному делу №34018 неоднократно приостанавливалось за неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых, а затем возобновлялось. Первую заявительницу незамедлительно информировали обо всех принятых решениях.

44. 21 июля 2006 г. следствие было возобновлено еще раз. Производство по делу было взято под контроль Генеральной прокуратурой.

45. Несмотря на конкретные запросы Суда, Правительство отказалось раскрыть содержание большинства материалов уголовного дела №34018, предоставив только копии постановлений о приостановлении и возобновлении следствия и о признании заявительницы потерпевшей, а также нескольких уведомлений родственникам о приостановлении и возобновлении производства по делу. Ссылаясь на мнение Генеральной прокуратуры, Правительство заявило, что следствие по делу продолжается и что раскрытие материалов дела было бы нарушением Статьи 161 УПК РФ, поскольку они содержат сведения военного характера и личные данные свидетелей и других участников уголовного процесса.

С. Подача судебного иска против следователей

46. 15 февраля 2005 г. организация «Правовая инициатива по России» от имени первой заявительницы обратилась в Урус-Мартановский городской суд (горсуд) с жалобой на непроведение эффективного расследования по факту исчезновения Мусы Гайтаева. В частности, там говорилось, что районной прокуратурой не были допрошены все члены семьи и соседи Гайтаевых, а также сотрудники Урус-Мартановской военной комендатуры и военнослужащие, дежурившие на блокпосте в ночь похищения. Кроме того, районная прокуратура не сообщала первой заявительнице о ходе расследования. Заявительница также просила горсуд принять меры для обеспечения безопасности семьи Гайтаевых.

47. 25 марта 2005 г. горсуд постановил, что районной прокуратурой не были предприняты все необходимые следственные действия по раскрытию преступления. Суд признал обоснованной жалобу первой заявительницы относительно неэффективности расследования и отдал распоряжение районной прокуратуре провести тщательное расследование уголовного дела №34018. Суд отклонил как необоснованное ходатайство о принятии мер по обеспечению безопасности Гайтаевых.

II. ПРИМЕНИМОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ

48. См. обобщенное изложение применимых норм внутригосударственного законодательства в постановлении [Akhmadova and Sadulayeva v. Russia, №40464/02, § 67-69, 10 мая 2007 г.](#)

ПРИМЕНЯЕМЫЕ НОРМЫ ПРАВА

I. ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЫ ЗАМЕЧАНИЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ ЗАЯВИТЕЛЯМИ

49. Правительство выразило сомнение в достоверности представленных заявителями замечаний, датированных 15 ноября 2006 г., поскольку на них стояла печать организации, представляющей интересы заявителей, но отсутствовали собственноручные подписи.

50. Рассмотрев данные замечания, Суд установил, что на них стоит собственноручная подпись одного из представителей заявителей. При таких обстоятельствах Суд не видит оснований для того, чтобы сомневаться в юридической силе замечаний. Поэтому возражение правительства отклоняется.

II. ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ИСЧЕРПАНИЯ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

A. Доводы сторон

51. Правительство утверждало, что жалобу следует признать неприемлемой из-за неисчерпания внутригосударственных средств защиты. Правительство сообщило, что следствие по делу об исчезновении Мусы Гайтаева еще не окончено. Кроме того, Правительство отметило, что заявители могли обратиться в суд с жалобами на действия либо бездействие работников прокуратуры и что городской суд частично удовлетворил иск заявителей. Также Правительство утверждало, что заявители могли подать иск в порядке гражданского судопроизводства, но не сделали этого.

52. Заявители оспорили это возражение. Они утверждали, что расследование уголовного дела оказалось неэффективным, а их жалобы на его неэффективность, в том числе обращение в городской суд, не принесли результатов. Они также упомянули о существовании административной практики непроведения расследования преступлений, совершенных российскими военнослужащими в Чеченской Республике, и сослались на другие рассмотренные Судом дела о подобных преступлениях, а также на доклады различных НПО и

международных организаций. Это, по их мнению, делало любые потенциально эффективные средства защиты неадекватными и иллюзорными в их случае.

В. Оценка, данная Судом

53. Суд приведет свою оценку аргументов сторон в свете положений Конвенции и соответствующей практики Суда (см. их обобщенное изложение в деле *Estamirov and Others v. Russia*, №60272/00, § 73-74, 12 октября 2006 г.).

54. Суд отмечает, что в российской правовой системе у жертвы неправых и противозаконных действий государства и его представителей в принципе имеется два пути восстановления нарушенных прав, а именно – гражданское или уголовное судопроизводство.

55. Что касается гражданского иска о возмещении ущерба, причиненного незаконными действиями или противоправным поведением представителей государства, Суд уже постановил в ряде аналогичных случаев, что такой иск не является решением вопроса об эффективных средствах правовой защиты в контексте жалобы на нарушение Статьи 2 Конвенции. Само по себе рассмотрение гражданского иска в суде не предполагает проведения независимого расследования и не способно в отсутствие результатов следствия по уголовному делу привести к установлению виновных в совершении убийств или похищений людей, а тем более привлечь их к ответственности (см. *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, №57942/00 и 57945/00, §§ 119-121, 24 февраля 2005 г., и *Estamirov and Others*, цит. выше, § 77). В свете вышесказанного Суд подтверждает, что заявители не были обязаны подавать гражданский иск. Таким образом, предварительное возражение Правительства в этой части отклоняется.

56. Что касается уголовно-правовых средств защиты, Суд отмечает, что заявители обратились с жалобой в правоохранительные органы сразу же после задержания Мусы Гайтаева и что следствие по делу продолжается с 13 февраля 2003 г. Мнения заявителей и Правительства в отношении эффективности такого следствия расходятся.

57. Суд считает, что эта часть предварительных возражений Правительства вызывает сомнения с точки зрения эффективности расследования уголовного дела, что тесно связано с существом жалоб заявителей. Поэтому Суд считает, что данные вопросы должны быть рассмотрены ниже в свете материальных положений Конвенции.

III. ОЦЕНКА СУДОМ ИМЕЮЩИХСЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТОВ

А. Доводы сторон

58. Согласно утверждению заявителей, не подлежит сомнению на разумных основаниях то, что лица, которые проникли в их дом и увели с собой Мусу Гайтаева, были агентами Государства. В обоснование своей жалобы они ссылаются на тот факт, что эти лица прибыли на военных машинах поздно ночью, а значит, имели возможность свободно передвигаться во время комендантского часа. Далее заявители ссылаются на утверждение Магомеда Гайтаева о том, что после похищения его привели в Урус-Мартановскую военную комендатуру, и на тот факт, что служебный пистолет, изъятый в ночь с 23 на 24 января 2004 г., ему вернули в милиции. Заявители также отметили, что основанием для отказа Правительства предоставить материалы уголовного дела №34018 послужило то, в них содержались «сведения военного характера, раскрывающие дислокацию и характер действий воинских и специальных формирований».

59. Правительство утверждало, что 23 января 2003 г. Мусу Гайтаева похитили «неустановленные лица в камуфлированной одежде и масках, вооруженные автоматическим оружием». Далее Правительство указало, что следствие по делу продолжается, что причастность к данному преступлению представителей федеральных силовых структур не установлена, а потому оснований для утверждения о нарушении Государством прав заявителей не имеется. Далее Правительство ссылалось на отсутствие убедительных доказательств того, что родственника заявителей нет в живых.

В. Оценка фактов Судом

60. Суд ссылается на ряд выработанных им общих принципов относительно установления фактов в случае спора и в особенности в случае заявлений об исчезновении в контексте Статьи 2 Конвенции (краткое описание этих принципов см. в постановлении по делу *Bazorkina v. Russia*, №69481/01, §§ 103-109, 27 июля 2006 г.). Суд также отмечает, что необходимо принять во внимание поведение Сторон при сборе доказательств (см. *Ireland v. the United Kingdom*, постановление от 18 января 1978 г., Series A no.25, стр. 64-65, § 161). В свете этого и с учетом вышеназванных принципов Суд считает, что из поведения Правительства может сделать выводы относительно обоснованности утверждений заявителей. Суд далее рассмотрит некоторые ключевые моменты данного дела, которые должны быть приняты во внимание при установлении того, следует ли считать родственника заявителей умершим и можно ли отнести его смерть на счет действий властей.

61. Заявители утверждали, что лица, которые 24 января 2003 г. увели и впоследствии убили Мусу Гайтаева, были агентами Государства.

62. Суд считает то обстоятельство, что большая группа вооруженных людей в форме могла свободно передвигаться и пересекать военные блокпосты во время комендантского часа, убедительно подтверждающим версию заявителей о том, что это были федеральные военнослужащие. Органами следствия на внутригосударственном уровне также была принята версия фактов в изложении заявителей и предприняты шаги для проверки версии о причастности сотрудников правоохранительных органов к похищению. Органам следствия не удалось установить, какие именно подразделения вооруженных сил или спецслужб проводили операцию, но, по-видимому, серьезных шагов в этом направлении и не предпринималось.

63. Суд отмечает, что в случае, когда заявитель делает утверждение *prima facie*, а у Суда нет возможности сделать вывод на основе фактов из-за отсутствия соответствующих документов, на Правительство возлагается обязанность дать убедительные объяснения того, почему данный документ не может быть использован для проверки утверждений заявителя, либо удовлетворительное объяснение того, как именно произошли события, о которых идет речь. Таким образом бремя доказывания переносится на Правительство, и если оно не представит достаточных аргументов, то встанет вопрос о возможных нарушениях Статьи 2 и (или) Статьи 3 (см. *Toğcu v. Turkey*, no. 27601/95, § 95, 31 мая 2005 г., и *Akkum and Others v. Turkey*, №21894/93, § 211, ECHR 2005-II).

64. Учитывая вышеназванные элементы, Суд считает установленным, что заявители представили достаточно правдоподобные аргументы *prima facie* в пользу того, что их родственника задержали представители федеральных сил. Утверждение Правительства о том, что следствием не установлена причастность сотрудников спецподразделений к похищению, является недостаточным для того, чтобы освободить Правительство от упомянутого выше бремени доказывания. Делая соответствующий вывод из непредставления Правительством документов, находившихся в его исключительном владении, или каких-либо иных правдоподобных объяснений произошедших событий, Суд полагает, что Муса и Магомед Гайтаевы были задержаны в ночь с 23 на 24 января 2003 г. у себя дома сотрудниками федеральных сил в ходе необъявленной спецоперации.

65. После 24 января 2003 г. о Мусе Гайтаеве не поступало никаких достоверных сообщений. Какие-либо записи о нем отсутствовали в журналах регистрации лиц, содержащихся под стражей, а Правительство не представило объяснений относительно того, что произошло с ним после похищения.

66. Суд с большой озабоченностью отмечает, исходя из по целого ряда рассмотренных им дел, что феномен "исчезновений" в Чеченской Республике хорошо известен (см. помимо прочего, *Bazorkina*, цит.

выше; *Imakayeva v. Russia*, №7615/02, ECHR 2006-... (выдержки); *Luluyev and Others v. Russia*, №69480/01, ECHR 2006-... (выдержки); *Baysayeva v. Russia*, №74237/01, 5 апреля 2007 года; *Akhmadova and Sadulayeva v. Russia*, цит. выше; *Alikhadzhiyeva v. Russia*, №68007/01, 5 июля 2007 г.). Как уже установлено Судом в контексте конфликта в Чеченской Республике, если кого-то задерживают неустановленные военнослужащие, а затем факт задержания не признается, это можно рассматривать как угрожающую жизни ситуацию. Тот факт, что Муса Гайтаев безвестно отсутствует и в течение нескольких лет о нем не поступало никаких сведений, подтверждает данное предположение.

67. Кроме того, Суд отмечает, что, к сожалению, не имеет возможности воспользоваться результатами внутригосударственного расследования из-за отказа Правительства предоставить большинство документов из материалов дела (см. выше п. 45). Несмотря на это, ясно, что следствием не были установлены лица, виновные в похищении.

68. Кроме того, поскольку речь идет об исчезновении человека, Суд считает особенно прискорбным то, что органами прокуратуры не было проведено тщательное изучение относящихся к делу фактов. Предоставленные Правительством немногие материалы уголовного дела, возбужденного районной прокуратурой, не дают оснований предположить какой-либо прогресс в ходе следствия за период почти четырех лет, а напротив, демонстрируют неполноту и неадекватность расследования. Наряду с этим позиция, занятая прокуратурой после того, как заявители сообщили в прокуратуру о факте задержания Мусы Гайтаева, в значительной мере повышала вероятность его исчезновения, поскольку в чрезвычайно важные первые несколько дней и недель после похищения не было предпринято необходимых действий.

69. По вышеозначенным причинам Суд считает не вызывающим сомнений на разумных основаниях тот факт, что Мусу Гайтаева следует считать умершим и что его смерть наступила после безвестного задержания военнослужащими федеральных сил.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

70. Заявители жаловались на нарушение Статьи 2 Конвенции в связи с тем, что их родственник исчез после задержания российскими военнослужащими, а государственные органы не провели эффективное расследование данного дела. Статья 2 гласит:

“1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

(а) для защиты любого лица от противоправного насилия;

(b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;

(c) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа.

А. Информация, предоставленная сторонами

71. Правительство утверждало, что органами следствия не получено данных о том, что Мусы Гайтаева нет в живых или что к его похищению и предположительному убийству причастны представители федеральных силовых структур. Правительство утверждало, что расследование исчезновения родственника заявителей соответствовало требованиям Конвенции об эффективности расследования, поскольку принимались все предусмотренные российским законодательством меры к установлению лиц, совершивших это преступление.

72. Заявители же утверждали, что их родственник был задержан представителями федеральных сил и должен считаться умершим по причине отсутствия достоверных сведений о нем в течение нескольких лет. Они также утверждали, что расследование не соответствовало требованиям эффективности и адекватности, установленным прецедентной практикой Суда по Статье 2. Они отметили, что следствие по делу неоднократно приостанавливалось и возобновлялось, в результате чего производство основных следственных действий затягивалось, а заявители не получали должного уведомления о важнейших принимаемых следствием мерах. По их мнению, еще одним доказательством неэффективности расследования было то, что оно продолжалось почти четыре года и не дало ощутимых результатов. Заявители призвали Суд сделать соответствующие выводы из необоснованного отказа Правительства предоставить заявителям или Суду материалы уголовного дела.

В. Оценка, данная Судом

1. Приемлемость

73. Суд считает в свете представленных сторонами аргументов, что жалоба затрагивает серьезные вопросы факта и права, подпадающие под действие Конвенции, для решения которых необходимо рассмотрение жалобы по существу. Исходя из этого, Суд делает вывод, что жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Кроме того, Суд уже отмечал, что возражение Правительства в части предполагаемого неисчерпания внутригосударственных средств защиты следует рассматривать совместно с рассмотрением существа жалобы (см. выше п. 57). Таким образом, жалоба на нарушение Статьи 2 Конвенции должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

(а) Предполагаемое нарушение права на жизнь

74. Суд напоминает о том, что Статья 2, гарантирующая право на жизнь и устанавливающая обстоятельства, при которых может быть оправдано лишение жизни, является одним из наиболее фундаментальных положений Конвенции, которое не может быть объектом частичной отмены. В свете важности той защиты, которую гарантирует Статья 2, Суд должен подвергать все случаи лишения жизни особо тщательному рассмотрению, учитывая не только действия агентов Государства, но и сопутствующие обстоятельства (см., помимо прочего, *McCann and Others v. the United Kingdom*, постановление от 27 сентября 1995 г., серия А №324, стр. 45-46, §§ 146-147).

75. Судом уже установлено, что родственника заявителей следует считать умершим после его безвестного задержания сотрудниками федеральных сил и что ответственность за его смерть несет Государство. В отсутствие какого-либо оправдания применения средств поражения агентами Государства Суд делает вывод, что в отношении Мусы Гайтаева имеет место нарушение статьи 2 § Конвенции.

(b) Предполагаемая неадекватность расследования

76. Суд неоднократно указывал, что обязательство защищать право на жизнь в соответствии со Статьей 2 Конвенции подразумевает проведение в какой-либо форме эффективного официального расследования случаев гибели людей в результате применения силы. Судом выработан ряд руководящих принципов, которые должны быть соблюдены при проведении расследования, чтобы оно соответствовало требованиям Конвенции (краткое описание этих принципов см. в [постановлении по делу *Bazorkina*](#), цит. выше, §§ 117-119).

77. В настоящем деле проводилось расследование по факту похищения. Суд должен оценить, соответствовало ли это расследование требованиям Статьи 2 Конвенции.

78. Суд сразу же отмечает, что Правительство не предоставило Суду большинство материалов дела. Поэтому Суду придется оценивать эффективность расследования на основании тех немногих документов, которые были представлены сторонами, и информации о ходе следствия, которую сообщило Правительство.

79. Суд отмечает, что власти были немедленно оповещены заявителями о преступлении. Уголовное дело было возбуждено лишь через двадцать дней после похищения. Данная задержка сама по себе не могла не повлиять на эффективность расследования такого преступления, как похищение человека при угрожающих жизни обстоятельствах, когда активные действия должны быть предприняты немедленно, в критически важные первые дни после похищения. В течение нескольких дней после возбуждения уголовного дела заявители были допрошены, а первая заявительница была признана потерпевшей. Однако после этого произошла задержка с проведением

целого ряда важнейших мероприятий, которые были проведены только после коммуникации жалобы Правительству либо не были проведены вовсе.

80. В частности, Суд отмечает, что следствием не предпринималось никаких действий на протяжении двух лет, с 14 апреля 2003 г. по 25 апреля 2005 г., и производство по делу в этот период не велось. Кроме того, как упоминается в постановлении городского суда от 25 марта 2005 г., в течение первых двух лет после похищения Мусы Гайтаева районной прокуратурой не были допрошены сотрудники Урус-Мартановской военной комендатуры, куда предположительно привезли Магомеда Гайтаева. Не были допрошены и военнослужащие, дежурившие на блокпосте и пропустившие автомашины «Урал» с вооруженными людьми (см. выше параграфы 46 и 47)

81. Очевидно, что эти меры могли привести к значимым результатам лишь в том случае, если бы были предприняты сразу после сообщения властям о преступлении и как только было возбуждено уголовное дело. Промедление, которому в данном случае нет объяснений, не только демонстрирует нежелание государства действовать по собственной инициативе, но и является нарушением обязательства соблюдать максимальную добросовестность и оперативность в борьбе с такими серьезными преступлениями (см. *Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom*, №46477/99, § 86, ECHR 2002-II).

82. Суд также отмечает, что хотя первую заявительницу признали потерпевшей, ее лишь информировали о приостановлении и возобновлении производства по делу, но не сообщали ей о других значимых событиях и результатах. Это значит, что следственные органы не обеспечили требуемого уровня общественного контроля над ходом расследования и защиты законных интересов ближайших родственников.

83. И наконец, Суд отмечает, что расследование неоднократно приостанавливалось и возобновлялось, а городской суд высказал критику по поводу процессуальных нарушений и издал распоряжение их исправить. По-видимому, это распоряжение осталось не выполненным.

84. Правительство в контексте исчерпания внутригосударственных средств защиты утверждало, что у заявителей имелась возможность потребовать судебной проверки постановлений, изданных органами предварительного следствия. Суд отмечает, что на самом деле заявители воспользовались этим средством, что в итоге и привело к возобновлению расследования. Тем не менее, эффективность расследования была подорвана уже на ранних стадиях из-за непроведения следственными органами необходимых и не терпящих отлагательства следственных действий. Наряду с этим отданное городским судом прокуратуре распоряжение о проведении эффективного расследования преступления не принесло ощутимых результатов заявителям. Производство по делу неоднократно приостанавливалось и возобновлялось, но при этом, по-видимому, не было предпринято каких-либо серьезных следственных действий для

установления личности совершивших похищение. При данных обстоятельствах Суд полагает, что от заявителей нельзя требовать, чтобы они обжаловали в суд каждое из решений районной прокуратуры. Поэтому Суд считает, что упомянутое Правительством средство правовой защиты было при таких обстоятельствах неэффективным, и отклоняет предварительное возражение Правительства о том, что заявители не исчерпали внутригосударственные средства правовой защиты в контексте уголовного расследования.

85. В свете вышесказанного Суд считает, что властями не было проведено эффективное уголовное расследование обстоятельств исчезновения Мусы Гайтаева, что является нарушением процессуальной части Статьи 2.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

86. Далее заявители ссылались на Статью 3 Конвенции, указывая, что в результате исчезновения родственника и отказа государства от проведения добросовестного расследования этого события они испытывали душевные страдания. Статья 3 гласит:

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию".

A. Информация, предоставленная сторонами

87. Правительство не согласилось с этими заявлениями, поскольку, по его утверждениям, следствием не было установлено, что Муса Гайтаев и заявители подверглись бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в нарушение Статьи 3 Конвенции. Что касается степени душевных страданий, причиненных заявителям самим фактом исчезновения их родственника, это, по мнению Правительства, невозможно оценить с точки зрения сотрудников правоохранительных органов и нельзя объективно измерить, поскольку это относится к области психологии и обусловлено эмоциональными и иными особенностями личности каждого человека.

88. Заявители повторили свою жалобу.

B. Оценка, данная Судом

1. Приемлемость

89. Суд отмечает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому ее следует считать приемлемой.

2. Существо дела

90. Суд отмечает, что вопрос о том, является ли член семьи «исчезнувшего лица» жертвой обращения, нарушающего Статью 3, зависит от наличия особых факторов, придающих страданиям заявителя особый аспект и характер, отличные от эмоционального дистресса, который можно считать неизбежным у родственников жертвы серьезного нарушения прав человека. Имеют значение такие элементы, как близость родственных связей, конкретные обстоятельства семейных отношений, то, в какой степени член семьи был свидетелем случившегося, активное участие члена семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем лице и то, как реагировали власти на запросы информации об исчезнувшем лице. Кроме того, Суд подчеркивает, что суть подобных нарушений заключается не столько в самом факте "исчезновения" члена семьи, но в большей степени в том, какова реакция и позиция властей в момент, когда данная ситуация доводится до их сведения. Именно в силу этого последнего обстоятельства родственник может утверждать, что является непосредственной жертвой действий властей (см. *Orhan v. Turkey*, №25656/94, § 358, 18 июня 2002 г.; *Imakayeva*, цит. выше, § 164).

91. В настоящем деле Суд отмечает, что заявители являются близкими родственниками безвестно пропавшего человека. Они были очевидцами похищения. Почти четыре года они не получали сведений о нем. В течение этого периода они лично и письмами обращались с запросами в различные официальные органы. Несмотря на предпринятые ими усилия, Заявители так и не получили какого-либо приемлемого объяснения или информации о том, что стало с их родственником после похищения. В полученных ими ответах по большей части отрицалась ответственность Государства за задержание либо заявителям просто сообщали, что следствие по делу продолжается. Непосредственное отношение к вышесказанному имеют и выводы Суда относительно процессуальной части Статьи 2.

92. В свете вышеизложенного Суд считает, что заявители испытали и продолжают испытывать эмоциональный дистресс и моральные страдания в результате исчезновения своего родственника и неспособности выяснить, что с ним произошло. То, как власти реагируют на их жалобы, следует считать бесчеловечным обращением, нарушающим Статью 3.

93. Из этого Суд делает вывод, что в отношении заявителей имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

94. Далее заявители утверждали, что Муса Гайтаев был задержан в нарушение гарантий Статьи 5 Конвенции, которая в соответствующей части гласит:

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию".

А. Информация, предоставленная сторонами

95. Согласно информации, предоставленной Правительством, данных, которые подтверждали бы, что Муса Гайтаев был лишен свободы в нарушение гарантий статьи 5 Конвенции, следствием не получено.

96. Заявители повторили свою жалобу.

В. Оценка, данная Судом

1. Приемлемость

97. Суд отмечает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Кроме того, Суд уже отмечал, что возражение Правительства в части предполагаемого неисчерпания внутригосударственных средств защиты следует рассматривать совместно с рассмотрением существа жалобы (см. выше п. 57). Таким образом, жалоба на нарушение Статьи 5 Конвенции должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

98. Суд ранее уже указывал на фундаментальную важность гарантий Статьи 5 для обеспечения права любого лица в демократическом государстве не подвергаться произвольному задержанию. Также суд отмечал, что безвестное задержание лица является полным отрицанием названных гарантий и серьезнейшим

нарушением Статьи 5 (см. *Çiçek v. Turkey*, №25704/94, § 164, 27 февраля 2001 г. и *Luluyev*, цит. выше, § 122).

99. Суд считает установленным, что Муса Гайтаев был задержан представителями государства 24 января 2003 г., и с тех пор его не видели. Его задержание не было признано властями и не было зарегистрировано в каких-либо записях о содержащихся под стражей лицах, а официальные сведения о его дальнейшем местонахождении и судьбе отсутствуют. В соответствии с практикой Суда сам по себе этот факт должен рассматриваться как серьезное упущение, поскольку позволяет ответственным за акт лишения свободы скрыть свою причастность к преступлению, замести следы и уйти от ответа за судьбу задержанного. Кроме того, отсутствие записей о задержании с указанием даты, времени и места задержания, фамилии задержанного, а также причин задержания и фамилии лица, производившего задержание, следует считать несовместимым с самой целью Статьи 5 Конвенции (см. *Orhan*, цит. выше, § 371).

100. Далее Суд считает, что власти должны были осознавать необходимость более тщательного и незамедлительного расследования жалоб заявителей на то, что их родственника задержали и куда-то увели при угрожающих жизни обстоятельствах. Однако приведенные выше рассуждения и выводы Суда в отношении Статьи 2, в частности, о характере ведения следствия не оставляют сомнений в том, что власти не приняли незамедлительных и эффективных мер по защите Мусы Гайтаева от риска исчезновения.

101. Исходя из этого, Суд считает, что Муса Гайтаев был подвергнут неизвестному задержанию без каких бы то ни было гарантий Статьи 5. Это является особенно серьезным нарушением права на свободу и безопасность, гарантированного Статьей 5 Конвенции.

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

102. Заявители жаловались на то, что были лишены эффективных средств защиты в отношении вышеупомянутых нарушений, что противоречит Статье 13 Конвенции, которая гласит:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

A. Информация, предоставленная сторонами

103. Правительство возразило, что в распоряжении заявителей имелись эффективные средства правовой защиты, как этого требует Статья 13 Конвенции, и что власти не препятствовали праву заявителей воспользоваться такими средствами. В частности, заявители получили мотивированные ответы на все свои заявления, поданные в рамках уголовного производства. Кроме того, заявители имели возможность обжаловать действия или бездействие

следственных органов в суд. В целом Правительство утверждало, что нарушения Статьи 13 не было.

104. Заявители повторили свою жалобу.

В. Оценка, данная Судом

1. Приемлемость

105. Суд отмечает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому ее следует считать приемлемой.

2. Существо дела

106. Суд напоминает, что Статья 13 Конвенции гарантирует наличие на национальном уровне средства правовой защиты для обеспечения соблюдения по существу прав и свобод, гарантированных Конвенцией, в какой бы форме они ни были закреплены в национальном праве. Учитывая фундаментальную важность права на защиту жизни, Статья 13 требует, в дополнение к выплате полагающейся компенсации, также проведения тщательного и эффективного расследования, способного привести к установлению личности и к наказанию ответственных за лишение жизни и за противоречащее Статье 3 обращение, что в частности предполагает фактический доступ истца к процессуальным действиям, направленным на установление личности и наказание виновных (см. *Anguelova v. Bulgaria*, №38361/97, §§ 161-162, ECHR 2002-IV; и *Süheyla Aydın v. Turkey*, №25660/94, § 208, 24 мая 2005 г.). Далее Суд повторяет, что требования Статьи 13 не сводятся к обязанности Государства проводить эффективное расследование в соответствии со Статьей 2 (см. *Khashiyev and Akayeva*, цит. выше, § 183).

107. Из этого следует, что при обстоятельствах, подобных обстоятельствам настоящего дела, когда расследование по делу, возбужденному по факту насильственной смерти, было неэффективным, и эффективность любого другого имеющегося средства, включая гражданский иск, была из-за этого подорвана, Государство не выполнило своих обязательств в рамках Статьи 13 Конвенции.

108. Исходя из этого, имеет место нарушение Статьи 13 в связи со статьей 2 Конвенции.

109. Что касается жалобы заявителей на нарушение Статьи 3 Конвенции, Суд отмечает, что признает нарушение вышеназванного положения в части душевных страданий заявителей в результате исчезновения близкого родственника, неспособности выяснить, что с ними произошло, и отношения властей к их жалобам. Однако Суд уже признал нарушение Статьи 13 Конвенции в связи со Статьей 2 Конвенции в части поведения властей, вызвавшего душевные

страдания заявителей. Суд считает, что при данных обстоятельствах не стоит отдельный вопрос о нарушении Статьи 13 в связи со Статьей 3 Конвенции.

110. Что же касается ссылок заявителей на нарушение Статьи 5 Конвенции, Суд отмечает, что в свете сложившейся практики суда, согласно которой более специфические гарантии Статьи 5 §§ 4 и 5, будучи *lex specialis* в отношении Статьи 13, поглощают и перекрывают собой требования Статьи 13, а также в свете приведенного выше вывода о нарушении Статьи 5 Конвенции в результате безвестного задержания, Суд считает, что в обстоятельствах данного дела не стоит отдельный вопрос о нарушении Статьи 13 в связи со Статьей 5 Конвенции.

VIII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ

111. Заявители жаловались, что подверглись дискриминации при осуществлении своих прав, защищаемых Конвенцией, утверждая, что названные нарушения были связаны с их чеченским этническим происхождением и с тем, что они проживают в Чечне. Это противоречит Статье 14 Конвенции, которая гласит:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

A. Информация, предоставленная сторонами

112. Правительство оспорило этот аргумент, утверждая, что заявителей никогда не подвергали дискриминации по какому бы то ни было признаку при пользовании правами и свободами, признанными Конвенцией.

113. Заявители настаивали на том, что подверглись дискриминации.

B. Оценка, данная Судом

114. Суд отмечает что в его распоряжение не было предоставлено доказательств, которые свидетельствовали бы об ином обращении с заявителями, нежели с другими людьми в аналогичной ситуации, без объективных и рациональных причин, а также доказательств того, что заявители когда-либо обращались с подобной жалобой к российским властям. Поэтому Суд считает, что данная жалоба не имеет достаточных оснований.

115. Следовательно, жалоба в данной части должна быть признана явно необоснованной и отклонена в соответствии со Статьей 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

IX. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

116. В своей первоначальной жалобе заявителя утверждали, что были лишены доступа к суду, что противоречит положениям Статьи 6 Конвенции, которая в соответствующей части гласит:

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях ...имеет право на справедливое ... разбирательство дела...судом».

117. В своих замечаниях по поводу приемлемости и существования жалобы от 15 ноября 2006 г. заявители отозвали эту часть жалобы.

118. Суд, принимая во внимание Статью 37 Конвенции, делает вывод о том, что заявители более не намерены добиваться рассмотрения этой части своей жалобы, в значении Статьи 37 § 1 (а). Суд также не видит причин общего характера, относящихся к соблюдению установленных Конвенцией прав человека, которые требовали бы продолжить рассмотрение настоящей жалобы согласно Статье 37 § 1 Конвенции *in fine* (см. помимо прочего, *Chojak v. Poland*, №32220/96, Постановление Комиссии от 23 апреля 1998 г., неопубликованное; *Singh and Others v. the United Kingdom (dec.)*, №30024/96, 26 сентября 2000 г., и *Stamatios Karagiannis v. Greece*, №27806/02, § 28, 10 февраля 2005 г.).

119. Поэтому данную часть жалобы следует исключить в соответствии со Статьей 37 § 1 (а) Конвенции.

X. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

120. Статья 41 Конвенции устанавливает:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

A. Возмещение материального ущерба

121. Заявители потребовали возмещение ущерба за потерю заработков их пропавшего родственника с момента его похищения и последующего исчезновения. По этому основанию они запросили компенсацию в размере 2 367 857,10 рублей (65 773,80 евро).

122. Они указали, что Муса Гайтаев работал плотником. В частности, в период с марта по ноябрь 2002 г. он работал в кооперативе и получал 15 000 руб. в месяц; кооператив закрылся в декабре 2002 г. С декабря 2002 г. до исчезновения Муса Гайтаев вместе с родственниками строил магазин и предполагал зарабатывать по 15 000 руб. в месяц по окончании строительных работ. Из этого заявители сделали вывод, что ежегодный заработок Мусы Гайтаева составил бы 180 000 руб., и с января 2003 г. по декабрь 2032 г, когда он

достиг бы пенсионного возраста, он заработал бы 5 220 000 руб. (145 000 евро).

123. Первая заявительница утверждала, что муж содержал бы ее до пенсии, и до 2032 года она получила бы одну седьмую его доходов, что составило бы 745 714,3 руб. (20 714,28 евро).

124. Учитывая, что средняя продолжительность жизни женщины в России составляет 70 лет, пятая заявительница предположила, что находилась бы на иждивении сына и получала бы одну седьмую его заработков до 2010 года, что составило бы 180 000 руб. (5 000 евро).

125. Дети Мусы Гайтаева утверждали, что находились бы на иждивении отца до достижения ими возраста 18 лет. Каждый претендовал на одну седьмую его заработков, что составило бы 250 714,3 руб. (6 964,28 евро) в отношении шестого заявителя, 308 571,4 руб. (8 571,43 евро) в отношении седьмого заявителя, 420 000 руб. (11 666,66 евро) в отношении восьмой заявительницы и 462 857,10 (12 857,14 евро) в отношении седьмой заявительницы.

126. Правительство сочло эти претензии необоснованными.

127. Суд повторяет, что между ущербом, компенсацию которого требует заявитель, и нарушением Конвенции должна существовать четкая причинно-следственная связь, и что в соответствующих случаях может быть запрошена компенсация за потерю заработков. Кроме того, в силу Правила 60 Регламента Суда любое требование о справедливом удовлетворении должно быть детализировано и представлено в письменной форме вместе с соответствующими подтверждающими документами или квитанциями, а «несоблюдение этого может повлечь отклонение Палатой требования целиком или частично».

128. Суд считает, что есть прямая причинно-следственная связь между нарушением Статьи 2 в отношении мужа, сына и отца заявителей и потерей заявителями финансовой поддержки, которую он мог бы им обеспечить. Однако Суд указывает на то, что представленные заявителями расчеты потери заработка основаны на допущении, что Муса Гайтаев имел бы стабильный доход в течение тридцати лет. Не были учтены разного рода непредвиденные обстоятельства, такие как потеря работы или утрата трудоспособности. Кроме того, заявители утверждали, что Муса Гайтаев мог бы зарабатывать 15 000 руб. в месяц по завершении строительства, но не представили документов в подтверждение его заработка за период с ноября 2002 г. по январь 2003 г. Поэтому Суд считает запрашиваемые суммы компенсации материального ущерба завышенными.

129. Исходя из этого, Суд считает уместным присудить 2 000 евро пятой заявительнице и 10 000 евро первой, шестому, седьмому, восьмой и девятой заявителям совместно в качестве компенсации материального ущерба, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы.

В. Возмещение морального вреда

130. Заявители утверждали, что им был причинен моральный вред в результате душевных страданий из-за потери родственника, проявленного властями безразличия к ним и непредставления им сведений о судьбе их родственника. Сумму возмещения по этому основанию они оставили на усмотрение Суда.

131. Правительство утверждало, что в качестве компенсации морального вреда было бы достаточно символической суммы.

132. Суд признал нарушение Статей 2, 5 и 13 Конвенции в части неизвестного задержания и исчезновения родственника заявителей. Сами заявители были признаны жертвами нарушения Статьи 3 Конвенции. Поэтому Суд признает, что им был причинен моральный вред, который не может быть компенсирован одним лишь фактом признания нарушений прав. На равноправной основе Суд присуждает второму, третьему и четвертому заявителям по 2 000 евро каждому, 6 000 евро пятой заявительнице и 28 000 евро первой, шестому, седьмому, восьмой и девятой заявителям совместно, плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы.

С. Издержки и расходы

133. Заявителей в Суде представляла организация «Правовая инициатива по России». Сотрудники этой организации представили перечень понесенных издержек и расходов, включая исследования и интервью в Ингушетии и Москве по ставке 50 евро в час и составление юридических документов, представленных в Суд и в органы государственной власти, по ставке 50 евро в час для юристов «Правовой инициативы» и 150 евро в час для старших сотрудников организации. Сумма требуемого возмещения расходов и издержек в связи с ведением дела составила 10 066,86 евро.

134. Правительство возразило, что запрошенная сумма является завышенной в свете существующих в России расценок на ведение дел в суде и оспорило разумность и оправданность сумм возмещения, запрашиваемых по этому основанию. Также Правительство выдвинуло возражения в ответ на просьбу представителей перевести сумму гонорара за ведение дела непосредственно на счет организации в Нидерландах.

135. Суду, во-первых, предстоит установить, действительно ли имели место расходы и издержки, указанные заявителями, и во-вторых, являлись ли они необходимыми (см. *McCann and Others*, цит. выше, § 220).

136. Принимая во внимание представленные сведения, Суд считает эти ставки разумными и отражающими фактические расходы, понесенные представителями заявителей.

137. Далее Суд должен установить, действительно ли расходы и издержки, понесенные в связи с ведением дела в Суде, были необходимы. Суд отмечает, что данное дело было относительно сложным и требовало определенной исследовательской и

подготовительной работы. В то же время Суд отмечает, что поскольку в данном случае применялась Статья 29 § 3, представители заявителей передали в Суд свои замечания по приемлемости и существу дела как один набор документов. Поэтому Суд сомневается в том, что на подготовку юридических документов было необходимо так много времени, как утверждают представители.

138. Далее Суд отмечает, что как правило, присуждает выплачивать сумму, причитающуюся в качестве компенсации издержек и расходов, непосредственно на счета тех, кто представляет интересы заявителей в Суде (см. например, *Toğsci*, цит. выше, § 158; *Nachova and Others v. Bulgaria [GC]*, №43577/98 и 43579/98, § 175, ECHR 2005-VII; и *Imakayeva*, цит. выше).

139. Учитывая детализацию требований, поданных заявителями, Суд присуждает им 7 000 евро за вычетом 850 евро, полученных в качестве правовой помощи от Совета Европы, плюс НДС, если он начисляется на данную сумму, подлежащие уплате на счет банка представителей в Нидерландах, указанный заявителями.

D. Выплата процентов

140. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Принимает решение* исключить жалобу из списка своих дел в соответствии со Статьей 37 § 1 (а) Конвенции в части, касающейся жалоб заявителей на нарушение Статьи 6 Конвенции;
2. *Принимает решение* объединить возражение Правительства относительно неисчерпания внутригосударственных средств защиты с рассмотрением жалобы по существу;
3. *Объявляет* жалобы на нарушение Статей 2, 3, 5 и 13 приемлемыми, а остальную часть жалобы неприемлемой;
4. *Постановляет*, что имеет место нарушение статьи 2 Конвенции в отношении Мусы Гайтаева;
5. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в части непроведения эффективного расследования обстоятельств исчезновения Мусы Гайтаева;
6. *Постановляет*, что имеет место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении заявителей;
7. *Постановляет*, что имеет место нарушение статьи 5 Конвенции в отношении Мусы Гайтаева;

8. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений Статьи 2 Конвенции;

9. *Постановляет*, что нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений Статей 3 и 5;

10. *Постановляет*,

(а) что Государство-ответчик должно в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, выплатить следующие суммы:

(i) 2 000 (две тысячи) евро в возмещение материального ущерба пятой заявительнице и 10 000 (десять тысяч) евро первой, шестому, седьмому, восьмой и девятой заявителям совместно, в рублях по курсу на дату выплаты, плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы;

(ii) 2000 (две тысячи) евро в возмещение морального вреда второму, третьему и четвертому заявителям, 6 000 (шесть тысяч) евро пятой заявительнице и 28 000 (двадцать восемь тысяч) евро первой, шестому, седьмому, восьмой и девятой заявителям совместно, в рублях по курсу на дату выплаты, плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы;

(iii) 6 150 (шесть тысяч сто пятьдесят) евро в счет возмещения издержек и расходов, подлежащие уплате на счет банка представителей в Нидерландах, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате заявителями;

(б) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;

11. *Отклоняет* единогласно оставшуюся часть жалобы заявителей о справедливом возмещении.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 29 мая 2008 года в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Сорен Нильсен

Кристос Розакис

Секретарь

Председатель